

Невероятная история выживания, дружбы
и искупления в исправительной школе для девочек

Сьюзен Уиггс

Строительные девчонки

Что происходит по ночам
в приюте Доброго Пастыря?

18+

Иностранка. Роман с историей

Сьюзен Уиггс

Строптивые девчонки

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уиггс С.

Строптивные девчонки / С. Уиггс — «Азбука»,
2025 — (Иностранка. Роман с историей)

ISBN 978-5-389-33237-9

Конец 1960-х. В самом сердце Америки, в штате Нью-Йорк, женщин, девушек и даже девочек-подростков суд приговаривает к принудительному труду в приюте Доброго Пастыря – мрачном и закрытом заведении, управляемом монахинями из ордена Сестер Милосердия. За что? Просто потому, что они незамужние матери, или сироты, или жертвы скверного обращения, или просто строптивные... Там их жизнь превращается в настоящий ад, они подвергаются ужасающему эмоциональному, физическому и даже сексуальному насилию со стороны тех самых людей, которые должны о них заботиться. Последняя книга прославленной Сюзен Уиггс, автора более пятидесяти романов, – масштабная историческая сага, от которой невозможно оторваться.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33237-9

© Уиггс С., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Пролог	6
Книга первая. Тогда	8
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сьюзен Уиггс

Строптивные девчонки

Посвящается девочкам, которые выжили:

Дайан, Бонни, Джудит, Патрисии, Нэнси, Морин и многим другим.

Сила ваших рассказов важнее перенесенных испытаний.

Susan Wiggs

WAYWARD GIRLS

Copyright © 2025 by Laugh, Cry, Dream, Read, LLC

All rights reserved

Печатается с разрешения *William Morrow* (импринт *HarperCollins Publishers*).

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав.

© М. А. Валеева, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Пролог

19 ноября 2019 года губернатор штата Нью-Йорк Эндрю М. Куомо подписал законодательный акт № S3419/A5494, позволяющий усыновленным детям получить дубликат первоначального свидетельства о рождении по достижении ими восемнадцати лет. Прием заявлений начался с 15 января 2020 года.

17 февраля 2020 года, Буффало

– Эвелин... Эверли Мэри Барретт Ласко! – служащий окружного архива за одним из столов вызвал ее.

Эверли изобразила на лице улыбку и поздоровалась с лысеющим молодым человеком, чьи пальцы продолжали бегать по эргономичной клавиатуре. Он по привычке лишь на секунду оторвал взгляд от экрана, но затем откровенно уставился на Эверли. И хотя дни работы в модельном агентстве остались далеко позади, время от времени она все еще сталкивалась с такой реакцией.

– Необычное имя, – заметил он.

– «Эверли бразерс» были маминой любимой группой. А песня «Все, что мне нужно, – просто мечтать» – ее любимой песней, – пояснила она, продолжая старательно улыбаться.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – любезно сказал служащий. Взгляд его тоже заметно потеплел. – Я изучил ваше дело и хочу помочь.

– Спасибо, что согласились меня принять, – Эверли бросила взгляд на табличку на столе, – мистер Харрис.

– Боюсь, у меня для вас не слишком хорошие новости. Записей о вашем рождении не обнаружилось ни в архиве округа, ни в архиве штата.

Сердце Эверли ухнуло вниз, хотя она заранее настраивалась на такой ответ. Собственные поиски тоже оказались безрезультатны. Ей удалось найти лишь измененное свидетельство о рождении, выписанное после того, как ее, новорожденную, удочерили Рой и Ширли Барретт. И в тот момент ее подлинное происхождение оказалось автоматически и навсегда скрыто. Прошлое Эверли было шкатулкой с секретом, пылящейся в неизвестном архиве.

– И больше вы ничего не можете сделать? Возможно, где-то еще существуют записи актов гражданского состояния. А что, если обратиться в другое агентство...

– Вот список всех запросов, которые я сделал. Боюсь, больше нам просто некуда обратиться.

Она просмотрела длинный, на целую страницу, список агентств и организаций.

– Я уже подавала данные в реестр сведений об усыновлении.

– Понимаю, мэм, но это регистрация по взаимному согласию усыновленных детей и биологических родителей, позволяющая облегчить дальнейшее воссоединение сторон. Они не выдают первоначальных свидетельств о рождении.

Он поджал губы и покрутил колесико мышки, листая страницы на экране.

– Ваше свидетельство об усыновлении выдано... похоже, приютом для девочек в Буффало, но он давно закрылся.

– Я в курсе. Я проследила сведения о Сестрах Милосердия до штаб-квартиры, которая сейчас располагается в Астории, штат Нью-Йорк, но у них нет архивных записей. Они попытались перенаправить меня...

– ...В базилику Пресвятой Девы Марии Победительницы в Лакаванне, – подхватил клерк. – У них тоже нет сведений, так же как и в других католических благотворительных организациях. Миссис Ласко, ваши усыновители еще живы?

Эверли покачала головой:

– Нет. Они были в возрасте. Оба уже умерли. И прежде, чем вы спросите, родители не скрывали, что удочерили меня. Но они были простыми людьми. Монахини сообщили только, что мать была несовершеннолетней и предпочла скрыть сведения о себе, так что они без вопросов приняли документы, которые им выдали. Им не приходило в голову, что среди них должно было находиться и подлинное свидетельство, выписанное при рождении ребенка.

– В 1960-е было много усыновлений в обход необходимых формальностей. Я бы хотел предоставить вам больше информации, но... Мне жаль.

– Без подлинного свидетельства о рождении я даже не могу получить паспорт. Вам ведь это известно? Мне пятьдесят один год, но я никогда не выезжала за пределы США.

– Вы обращались в Госдепартамент, чтобы они сделали исключение? – спросил чиновник.

– Неоднократно, – подтвердила Эверли. – Они продолжают отвечать, что мои документы не в порядке, как вы и сказали. И настаивают на предоставлении оригинала свидетельства о рождении.

– Возможно, вы появились на свет в другом штате. Процедура усыновления прошла здесь, но место рождения было другим. У нас нет доступа к записям актов гражданского состояния других штатов.

– Я точно знаю, что родилась в штате Нью-Йорк. В больнице Святого Франциска, прямо здесь, в Буффало. Ее снесли в семидесятых, когда построили новый медицинский комплекс.

Он дотронулся до клавиатуры и подвигал мышкой.

– Тогда архивы должны были перевезти. Но, не исключено, в процессе их потеряли, неверно атрибутировали или повредили.

Эверли начала терять терпение. Документ, который она искала, был всего лишь жалким клочком бумаги, но он гарантировал усыновленным равные права с теми, кто рос в родной семье, в первую очередь – фундаментальное право знать правду о своем происхождении.

– Я все это понимаю, но запись о рождении не могла просто исчезнуть. Это невысказано.

– Я проверил и перепроверил не один раз, – чиновник покачал головой. – Миссис Ласко, я просмотрел все архивы, которые смог найти за март и апрель 1969 года. Но все следы обрываются или заводят в тупик. Мне правда очень жаль.

– То есть, согласно вашим сведениям, я никогда не рождалась, – заключила Эверли. – Меня не существует.

Книга первая. Тогда

Часть 1

Буффало дейли репаблик

Буффало, Нью-Йорк

Пятница, 19 февраля 1886 года

НЕПУТЕВЫЕ ДЕВИЦЫ

Элла Данн, пятнадцатилетняя дочь Джона Данна, проживающего на Механик-стрит, обнаружила в себе склонность водить дурную компанию и ради этого покинула отчий кров. Три недели назад она сбежала из дома и с тех пор работает уличной проституткой. Ее компаньонкой стала другая пятнадцатилетняя девица, Минни Коверт, бездомная, с которой они вместе шатались по улицам. Вчера вечером эти девицы, за которыми велось полицейское наблюдение и которые неоднократно получали предупреждения, были арестованы. Мистера Данна уведомили об аресте, девушкам будет предъявлено обвинение в прогулах школы...

Сегодня днем двух вполне сформировавшихся и смазливых девиц доставили в здание полицейского суда. Это были две прогульщицы. Элла сообщила судье Кинг, что ей пятнадцать лет и два года назад она сбежала из дома и вышла замуж за бездельника по имени Херт, который впоследствии ее бросил. Она проживала в притонах и путалась с дурными мужчинами. У другой девицы, Минни, есть хотя бы одно положительное качество: она не замужем. Обе девушки ради исправления направлены на шестьдесят дней в приют Доброго Пастыря.

Глава 1

Фруктовый пояс

Буффало, 1968

Трехногая садовая лестница пошатнулась, когда Морин О'Хара потянулась за яблоком, ловко срывая его с ветки. Отработанным движением она уронила его в длинную холщовую

сумку для сбора урожая, надетую накрест через плечо и болтающуюся у левого бедра. В потертом джинсовом комбинезоне и клетчатой рубашке Морин чувствовала себя неудобно, хотя большинство сборщиков фруктов тоже были в рабочей одежде. Впрочем, вряд ли кто-то вырядился в вещи старшего брата. Мешковатая, заношенная до прозрачности рубаха Лиама годилась разве что на тряпки.

Но стоило Морин пожаловаться, как мать отвечала своим любимым вопросом: «Думаешь, у нас денег куры не клюют?», после чего скорбно поджимала губы. Как обычно.

Нет, думала Морин. Это точно не про нас. Среди их знакомых не было богачей. Именно поэтому они с Лиамом собирали яблоки в садах, вместо того чтобы наслаждаться последними летними деньками на озере, валяясь на пляже Кристал-Бич, или ходить на концерты под открытым небом в парке Делавер. Это Фруктовый пояс, здесь все так живут.

Самая маленькая и легкая в бригаде, Морин ловко взбиралась повыше, собирая яблоки с самых верхних и тонких веток. Пару раз она падала с дерева, но, не обращая внимания на синяки и ссадины, тут же снова принималась за работу. Если бы она поранилась так, что потребовалась бы помощь, мама устроила бы ей хорошую взбучку. По словам матери, доктора – дорогое удовольствие.

В отличие от прекрасного вида, подумала Морин, чувствуя, как ветер треплет кудрявые прядки, выбившиеся из косы. С этой точки она, как с высоты птичьего полета, созерцала пространство от мерцающих вод озера Эри до лоскутного одеяла кварталов Буффало, состоящих из обшитых вагонкой таунхаусов, ветхих, измученных временем особняков, дымовых труб на набережной и церковных шпилей, пронзающих небо. А дальше к востоку тянулись бескрайние зеленые поля фермерских земель. Небо сегодня сияло тем совершенным оттенком ярко-голубого цвета, который можно увидеть лишь в конце лета, над озером зависли пушистые кучевые облака, напомнившие Морин песню «Теперь я вижу с двух сторон»¹, пластинку с которой она заслушала на своем проигрывателе чуть ли не до дыр. Спустя мгновение Морин поймала себя на том, что напевает ее вполголоса.

Краем глаза Морин увидела, как Кевин Дойл передвинул свою стремянку поближе к ней. Она сделала вид, что не замечает, хотя мгновенно вспыхнувшие щеки сразу ее выдали. Вечное проклятие рыжеволосых – так всегда говорила мама. Все твои чувства видны у тебя на лице, как веснушки.

– Привет, – сказал Кевин. Копна его орехово-каштановых волос блестела в лучах предзакатного солнца. Волосы у него были классные, длиной до плеч, расчесанные на прямой пробор, и густая челка, как у Дэвида Кэссиди. В школе монахини все время ругали мальчиков за длинные волосы, девочек – за короткие юбки и всех скопом – за музыку, которую они слушают.

– Привет, – кивнула Морин, пряча лицо и занимая руки яблоками. Ей хотелось сказать что-то кроме «привет», но слова не шли на ум, что было совсем на нее не похоже. Обычно она не лезла за словом в карман, и в школе ее вечно наказывали за болтовню. Накатившее волнение заставило девушку удвоить усилия. По два яблока в каждую руку. Здесь, в саду Эйсмана, скорость и эффективность поощрялись: чем больше соберешь, тем больше тебе заплатят.

К поясу Кевина был прикреплен транзисторный приемник. Играл он негромко, но местную радиостанцию ловил чисто, а там крутили все лучшие хиты. Заслышав тихую мелодию и ритм песни, которая нравилась ей в последнее время, Морин не смогла сдержать довольной улыбки. Чутьочку хриплые голоса «Саймона и Горфункеля» сплетались в неземном совершенстве. Звуки «Миссис Робинсон», льющиеся из приемника, наполняли душу Морин острой тоской. Спускаясь по лестнице, она невольно начала двигаться в такт, подпевая.

¹ «Both Sides, Now» – песня авторства канадской певицы Джони Митчелл. Была в 1968 году выпущена отдельным синглом и стала хитом в США. – *Прим. перев.*

Она знала наизусть слова, хотя не до конца понимала их смысл: что, например, миссис Робинсон прятала от детей и почему должна научиться заботиться о себе сама? И почему Джо ДиМадджио в песне называли «Джо-поршень»?

Монахини в школе запрещали подобную музыку, хотя в песне упоминался Иисус и небеса. «Девочкам в вашем возрасте негоже слушать мужские голоса, – часто повторяла сестра Карлотта. – Как вы собираетесь признаваться в таком на исповеди?»

– Ку-ку-ка-чу! – подпевала Морин, идеально попадая в ноты и ловя на себе взгляды Кевина.

– У тебя хороший голос, – сказал он, спрыгивая на землю и откидывая челку с глаз.

– Спасибо, – сказала она, чувствуя, как кровь снова приливает к щекам, и высыпала добычу из сумки в подготовленную корзину, вмещающую бушель яблок. – Обожаю эту песню.

– Ага. Тогда... – Теперь и парень покраснел, переминаясь с ноги на ногу.

– Тогда что? – подбодрила Морин, склонив голову к плечу.

Кевин поковырял землю носком ботинка.

– Этот фильм – ну знаешь, «Выпускник» – сейчас крутят в «Лендмарке». Не хочешь сходить со мной в кино?

Морин мгновенно подобралась. Что? Сходить посмотреть «Выпускника»? С ним, с Кевином Дойлом? Он приглашает ее на свидание?

Морин пробежалась глазами по рядам сборщиков, занятых работой. Обалдеть, ну и где Фиона, когда она так нужна? Лучшая подружка Морин могла бы подсказать, что делать при таком повороте событий. У Фионы был мальчик – с самого начала лета – Кейси Костелло, который в этом году переходит в старшие классы. И она призналась Морин возбужденным шепотом, что они с Кейси «делали это». Что подразумевалось под «этим», Морин – сквозь флер романтических фантазий, которых она набралась в книжке Беверли Клиари «Пятнадцать», – оставалось только догадываться. Если верить книжке, свидания – это автомобили с открытым верхом, киоски с газировкой, свитеры и мальчишки. Если верить Фионе, в них много чего помимо этого.

Морин, от волнения не зная куда деть руки, засунула их глубоко в карманы и от души пожалела, что одета сейчас как деревенское пугало. Впрочем, Кевина это, похоже, не занимало, поскольку он так и поедал ее глазами, смущенно и вместе с тем нетерпеливо. Она попыталась придать голосу непринужденности, когда ответила:

– Ну... да, было бы здорово.

– Его будут крутить все выходные, – добавил Кевин.

Морин кивнула, а сердце в груди забилося часто-часто.

– Вот только... мне нужно отпроситься у мамы. Она у меня, знаешь, строгая. Мама.

– Ладно, – сказал он, зацепив большие пальцы за шлевки на брюках, – тогда скажешь мне завтра, хорошо?

– Хорошо... Мне самой тебе позвонить? – Она никогда раньше не звонила мальчику вот так, с бухты-баракты. Что, если трубку возьмет миссис Дойл? Или кто-то из его братьев?

– Ага. Классно!

– Классно, – эхом откликнулась она и снова покраснела.

– Тогда пока! – Кевин поднял корзину с яблоками и направился к фургону, где бригадир отмечал количество собранного каждым работником.

– Пока. – Морин смотрела ему вслед. Показалось или его походка стала пружинистой? Он правда думает, что они идут на свидание? А она сама?..

Ее донимали сомнения, сможет ли она вообще пойти, из-за мамы. Мать была ирландкой до мозга костей, в восемнадцать лет приехала сюда из Килларни через Лимерик. Она так и не избавилась от сильного акцента и придерживалась строгих нравов, принятых в сельской местности. Морин примерно представляла, каков будет ее ответ: «В кино с мальчиком? Ну

конечно ты можешь туда пойти. Минут через десять после того, как замерзнет ад. Тогда я, конечно же, отпущу тебя в грязный кинотеатр набраться грязи. С мальчиком».

Морин не думала, что фильм «грязный», но реклама в газете демонстрировала обнаженную женскую ножку, и для матери этого будет достаточно.

Морин взмокла от пота – с озера тянуло влажностью, или, возможно, она перенервничала из-за разговора с Кевином. Вечернее солнце купало сад в золотом сиянии: яблони, полные спелых плодов, деловитую суету сборщиков. Во фруктовом поясе осталось не так уж много садов. Старожилы говорили, что раньше это была процветающая округа, полная фермерских хозяйств с названиями улиц вроде Шелковичная, Лимонная, Апельсиновая, Персиковая, Виноградная или Вишневая. Однако с тех пор, как скоростная автомагистраль разрезала район надвое, все начало постепенно приходить в упадок. Впрочем, сад старого мистера Эйсмана все еще производил продукцию, и работникам платили приличные деньги за корзину яблок.

Морин углядела наконец Фиону: на краю сада, поодаль от деревьев, возле изгороди из цветущего молочая, над которой вились пчелы; она сидела на земле, уткнувшись лбом в колени, монотонно раскачиваясь взад и вперед.

– Как делишки, как детишки? – поприветствовала ее Морин, падая рядом на сухую траву и отмахиваясь от пчелы. Пчелы ее не беспокоили, они были слишком заняты сбором нектара, чтобы жалить людей.

Фиона подняла голову, и Морин мгновенно заподозрила неладное. Лицо Фионы было белым как бумага, над верхней губой выступили капельки пота.

– О, Морин, это ты, привет, – слабо проговорила она.

Морин нахмурилась, разглядывая лицо подруги. Бледная, с черными как смоль волосами, она казалась ожившей Белоснежкой, вот только не распевала веселых песен, а выглядела несчастной.

– Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Фиона вздрогнула и кивнула.

– Не придвигайся ближе. Похоже, я чем-то заразилась. Меня только что вырвало там в кустах, – махнула она рукой. – Дважды.

– Боже, да тебе нужно домой, – Морин вскочила и протянула руку.

Фиона отмахнулась от нее:

– Нет, Мор, не могу. Ты же знаешь мою маму. Она убьет меня, если я снова приду без зарплаты. Мне нужно взять себя в руки и собрать еще хотя бы пару бушелей.

– Мама поймет, – возразила Морин.

– Нет! То есть, может, и поймет, но мне самой нужны деньги, – и в голосе подруги прозвучало отчаяние. Опершись руками о землю, она неловко поднялась, пошатнулась, вставая. Она выглядела смущенной и немного растерянной, отряхивая комбинезон.

– Эй, ты не можешь работать в таком состоянии, – заявила Морин. – Давай я позвоню твоей маме, чтобы она за тобой приехала.

– Нет, – уперлась Фиона. – Мне нужно собрать еще немного.

Морин знала: явиться домой с пустыми руками – плохая идея для девчонок вроде нее или Фионы.

– Знаешь что? Я отдам тебе то, что собрала. У меня сегодня шестнадцать бушелей, могу по-быстрому набрать еще пару сумок, выйдет целая корзина.

– Нет, Майр, я не могу забрать твои... – Фиона издала звук, будто ее сейчас стошнит, и схватилась за живот. Она наклонилась через изгородь, давясь сухими рвотными позывами.

Морин почувствовала себя беспомощной, глядя подругу по спине. Папа так делал, когда Морин простужалась в детстве. Гладил по спине, сначала вверх и вниз, потом круговыми движениями. От простуды это никак не помогало, но его прикосновения успокаивали, всегда.

Папы нет уже пять лет, но Морин всегда будет по нему скучать. Она никогда не перестанет ощущать тупую боль внутри, как от синяка, который никак не проходит.

– Послушай, ты плохо выглядишь. Я все-таки позвоню твоей маме...

– Нет! – резко ответила Фиона. Выудив из кармана черно-красную бандану, она вытерла губы. – Я дойду пешком.

– Это две мили, и все в гору, – сказала Морин. – А давай я позвоню кому-то из твоих братьев, чтобы они тебя отвезли?

Фиона снова пошатнулась.

– Ну ладно, наверное, Финн сможет приехать. Он работает в магазине «Эгвей» на Сандридж.

– Жди здесь. – Морин заметила, что пара других сборщиков поглядывает на них. – Посиди пока, а я найду номер и позвоню, хорошо?

Она пошла к складу – квадратному зданию с погрузочной зоной. Бригада парней в футболках и джинсах поднимала корзины лебедкой в ожидающий грузовик. Их бронзовые от загара руки бугрились мышцами. Один, широкоплечий, с закатанными рукавами и пачкой «Лаки страйк», заткнутой за один из них, увидев, что Морин смотрит, подмигнул и кивнул ей. Она быстро отвела взгляд и поспешила зайти в помещение склада, остановилась, позволяя глазам привыкнуть к слабому освещению.

Внутри сладкий яблочный дух мешался с древесным запахом корзин и палет. Склад бурлил энергией, как будто доставка фруктов от фермы к столу была вопросом жизни и смерти. Работники ловко двигались между корзин и составленных в стопки палет; их разговоры перемежались смехом. По портативному радио играла песня «Харпер Вэлли Пи-Ти-Эй», а Надин, приемщица, подпевала, сверяя бирки на корзинах со списком на планшете.

Морин видела, как ее старший брат управляет вилочным погрузчиком, подвозя стопки поддонов ближе к зоне отгрузки. Лиам мог ездить на чем угодно – тракторе, погрузчике, «нэш-рамблере» Колма, когда ему удавалось уговорить отца одолжить машину. Он и Морин учил водить тайком от всех, потому что она отчаянно мечтала получить водительские права сразу же, как ей исполнится шестнадцать. Мама и Колм не уставали твердить, что девочке ни к чему уметь водить машину, потому что по школьному проезду можно ездить на автобусе бесплатно, но для нее это имело смысл. Вождение означало свободу, независимость, возможность побега.

Иногда Морин так страстно хотела всего этого, что ей не удавалось заснуть ночами. Грудь распирало, оттого что та не могла вместить огромной тоски. Тоски по всему большому – большому приключению, большой любви, большой жизни. Она хотела оставить свой след. Она хотела что-то построить. Она не пыталась объяснить это маме, которая заявила бы, что она несет чушь, что задача послушной дочери – найти хорошего парня-католика и выйти за него замуж, желательно на следующий день после окончания школы. Но Морин хотела большего. Она хотела... да просто всего.

Она направилась к телефону-автомату возле туалетов и доски с расписанием, на которой все отмечали время прихода и ухода, и полезла в карман за десятицентовиком. Эх, у нее всего-то тридцать пять центов, накопленных на свежий номер «Тайгер бит»². Но Фионе нужнее.

Полистав тонкий телефонный справочник, Морин провела пальцем вниз по колонкам цифр. Под ногтями грязная кайма, кожа на ладонях загорела от работы. Захочет ли Кевин Дойл держаться с ней за руки в кино? Или обнять ее за плечи? Морин содрогнулась от этой мысли, разрываясь между радостным волнением и тревожным ожиданием. Усилив воли она заставила себя сосредоточиться на звонке.

² Tiger Beat – популярный американский журнал для подростков (преимущественно девочек), издававшийся с 1965 по 2021 год. Специализировался на новостях поп-культуры, интервью с кумирами молодежи, плакатах и новостях шоу-бизнеса.

Из четырех братьев Фионы любимчиком Морин был Флинн, красивый той красотой, которую видишь на киноафишах, – темные волосы, густой челкой спадающие на лоб, голубые, как ясное сентябрьское небо, глаза. Еще бы чуть-чуть, и слишком красивые для парня. Наверное, она была в него влюблена по-детски, но понимала, что он не в ее лиге – на пять лет старше и живет уже отдельно от родителей в квартире на Гурон-стрит. К тому же встречается с девушкой-протестанткой по имени Хейли Мур – экзотической, как райская птица, в джинсах-клевш с обтрепанным краем, индийских сандалиях на босу ногу с петлей для большого пальца, топике с бахромой и вышитым хайратником на голове, – блондинкой с шелковистыми волосами до пояса. Она жила в месте, называемом коммуной, где люди, предположительно, ходили нагишом, слушали кислотный рок и практиковали свободную любовь, что бы это ни значило. Мама называла их «грязными хиппи» и запрещала Морин разговаривать с ними.

Фиона призналась Морин, что их мама так расстроилась из-за девушки Флинна, что заставила всю семью читать новены – девять дней подряд! – а затем начать все по новой, чтобы умолить святых вмешаться и избавить их от Хейли раз и навсегда, чтобы Флинн мог жениться на порядочной католичке.

Морин, Фионе и всем их подружкам в школе Святой Уильды с колыбели внушалось, что быть порядочными католичками – их главная цель в жизни.

– Идем, – сказала Морин, протягивая Фионе руку, чтобы та могла подняться. – Флинн придет через несколько минут. – Фиона кивнула и, прислонившись к Морин, доковыляла до сикоморы, где в тени они стали ждать. По-осеннему свежий вечерний ветер шелестел кронами деревьев. Вверх и вниз по улице листья начали окрашиваться в яркие желтые и багряные цвета. Морин заметила божью коровку, приклеившуюся к паутине на стволе сикоморы. Бедняжка беспомощно сучила ножками. И хотя у природы свои законы, Морин не смогла остаться равнодушной. Она разрывала паутинки по одной, пока божья коровка не освободилась и не улетила, подхваченная порывом ветра.

– Тебе хоть немного лучше? – спросила она.

– По-моему, стало еще хуже. – Фиона села на перевернутый ящик. – Клянусь, я не понимаю, что со мной. Мне уже даже рвать нечем, и все равно продолжает подкатывать.

– На, убери в карман, – сказала Морин, протягивая зарплату в конверте. – И не вздумай на него стошнить.

– Ох, Мор! – Фиона трагически вытаращила глаза. – Мне так стыдно брать у тебя деньги.

– Да все нормально, – отмахнулась Морин. Хотя ничего нормального в этом не было. Каждый пенни, заработанный Морин и Лиамом, мать заранее учитывала в бюджете. Но Фиона росла в семье из девяти детей. В доме Галлахеров, шумном и тесном, было не протолкнуться от людей, трубы текли, пахло вареной капустой и луком, и иногда Фиона «забывала» взять обед в школу. – Серьезно. В другой раз ты меня выручишь.

– Ты лучшая! – воскликнула Фиона.

– Да ну, просто мы друзья, а друзья познаются в беде. Кстати... – Пульс Морин участился. – Мне нужен твой совет. Кевин Дойл хочет пойти со мной в кино.

– Что? – Фиона растерянно улыбнулась. – Он тебя пригласил? На свидание?

Морин, нервно накручивая на палец кончик косы, ответила:

– Думаю, да. Он не говорил, что это свидание, просто спросил, хочу ли я пойти с ним.

– Тогда это точно свидание. И что ты ответила? Да?

– Что мне нужно спросить. Мама ни за что меня не отпустит! – надулась Морин.

– Значит, придется пойти на хитрость, – сделала вывод Фиона. – Скажи, что идешь в библиотеку. Родители обожают, когда мы отпрашиваемся в библиотеку.

– Вечером?

– Скажи, что она открыта допоздна.

Морин нахмурилась.

– Я все-таки сначала спрошу. Мама обещала, что станет отпускать меня на танцы в клуб католической молодежи, как только мне исполнится шестнадцать, а мне скоро шестнадцать. Вдруг она удивит меня и скажет «да».

Фионин брат Флинн приехал в фургоне продуктового магазина Фиорелли с Хейли Мур на пассажирском сиденье. Хейли в очках с круглыми стеклами, огромными кольцами в ушах и длинной сигареткой в тонких пальцах выглядела как супермодель. Опираясь босыми ногами на приборную доску, она кивала блондинистой головой в такт песне «Джефферсон Эйрплейн».

– Хелло, детишки, – сказала она.

Детишки! Хейли самой всего восемнадцать, но она заставила Морин почувствовать себя несмышленым младенцем.

Флинн спрыгнул из кабины на землю и обошел машину, чтобы помочь Фионе. Он был в потертых джинсах и белой футболке, рельефно обтягивающей бицепсы.

– Привет, кнопка, – сказал он сестре. – Морин говорит, ты заболела?

Фиона пристыженно кивнула.

– Я не знаю, что со мной, – тихо сказала она. – Но чувствую себя ужасно.

Флинн чуть отступил и оглядел ее внимательно.

– Да уж, выглядишь как смерть, подавившаяся печеньем.

Фиона насупилась:

– Ну, спасибо.

– Давай отвезем тебя домой. Ма даст тебе имбирного эля и крекеров – ее лекарство от всего. – Он обошел грузовик и сел за руль. Хейли затушила сигарету и пересела на ящики, уступив Фионе сиденье. Флинн нашел взглядом Морин. – Спасибо, что позвонила. Тебя подвезти?

Морин помотала головой.

– Я на велосипеде. – Она встала на подножку. – Поправляйся, Фиона. Если я тебя завтра не увижу, то зайду к вам.

Фиона сгорбилась на переднем сиденье.

– Ма отправит меня на работу. – Она похлопала по карману с конвертом. – И спасибо за это. Я все тебе возьму.

Морин пошла на склад: раз уж свой конверт она отдала Фионе, нужно принести домой хотя бы отбракованных яблок, которые скидывали в бак. Там обнаружился Кевин Дойл, как раз отмечавший выработку за день. «Двадцать четыре бушеля!» – сказал он с довольной ухмылкой.

– Впечатляет! Я никогда больше двадцати не набирала.

– Не забудь дать мне ответ про кино, – сказал он. – Сеанс начинается в семь.

Подавляя жуткую застенчивость, Морин заставила себя посмотреть ему прямо в глаза. Ни за что на свете мать не разрешит ей пойти, но она что-нибудь придумает. Отговорка с библиотекой может сработать. Она робко улыбнулась.

– Я позвоню.

– Хорошо. – И он направился к выходу.

– Пока. – Морин поспешила скрыться в туалетной комнате, чувствуя что-то вроде приступа головокружения. Идея похода в кино с мальчиком была для нее настолько новой, что казалась удивительным приключением, ворвавшимся в ее ничем не примечательную жизнь. Наклонившись над раковиной из нержавеющей стали, она поплескала в лицо холодной водой и промокнула бумажным полотенцем, как всегда мечтая, чтобы веснушки остались на нем. Но никакие литры лимонного сока и все отбеливающие кремы в мире не могли заставить их исчезнуть.

На другом конце комнаты две работницы склада, наклонившись к зеркалу, поправляли макияж и слушали радио. Джина и Карла. Морин плохо их знала, потому что они были старше. Складские девчонки. Весь день они сидели на рабочих местах, их наманикюренные пальцы порхали над клавиатурами счетных и печатных машинок. Они носили обтягивающие шорты,

миди-блuzки и завитые волосы длиной до подбородка, запшиканные до неподвижности облаками лака для волос «Акванет».

– Это был Флинн Галлахер? – спросила Карла, покосившись на Морин. – Боже, не парень, мечта!

– Полный отвал башки, – Джина провела щеточкой для туши по ресницам. – Жаль, что он болтается с этой девчонкой-хиппи, – продолжила она, покачивая бедрами под песню «Миссис Браун, ваша дочь – милашка» и подхватывая припев вместе с «Херман Хермитс», которые почти так же круты, как «Битлз»: – До-о-чка!

Морин пожалала плечами. Она не совсем поняла, что значит «отвал башки», но сообразила, что услышала комплимент.

– Он приехал забрать Фиону. Она заболела.

– Заболела! – фыркнула Карла и провела по губам малиновой помадой. – Девушки не болеют. Она залетела, спору на что угодно.

Морин скатала бумажное полотенце в шарик и забросила в мусорную корзину. Кажется, она догадалась, что значит «залетела».

– Не-а, – сказала она. – Наверняка она подхватила вирус, что-то вроде гриппа.

– Да точно! – ухмыльнулась Карла. – Погоди, увидишь. Дело кончится приютом Доброго Пастыря.

Морин нахмурилась. Она смутно представила мрачное здание на Бест-стрит. Серая громада, кирпичный забор, увитый колючей проволокой. Она слышала, будто это что-то вроде исправительной школы и работного дома для незамужних девушек с детьми. Иногда мать, выйдя из себя, грозилась упечь Морин к монахиням, если та не научится вести себя прилично.

Не верится, что Фиона попала в беду. Только не в эту. Они были подругами с незапамятных времен. Они все делали вместе. Они всего лишь дети! Лишь на прошлой неделе Морин ночевала у Фионы, и они в детских пижамах громко распевали «Ангела утра», используя щетки для волос вместо микрофона, пока ее отец не взмолился о пощаде.

– Вы ошибаетесь насчет Фионы, – пробормотала Морин, но под ложечкой у нее засосало от страха. Разве может девочка, совсем ребенок, залететь? Никто не объяснил Морин, как все в действительности происходит. Она знала, что для этого нужно стать «парочкой», кататься на машине, проводить время на парковке у водосброса. Поцелуи становятся глубже, а ласки смелее, и все это сравнивают с перемещением с базы на базу на бейсбольном поле. Все весело проводят время. Мыслимо ли при этом попасть в беду?

Солнце катилось к закату, когда Морин проскользнула на водительское сиденье старого «нэш-рамблера», припаркованного Колмом на боковой подъездной дорожке. Лиам обещал помочь ей попрактиковать повороты налево и параллельную парковку. Пятницы Колм посвящал своей лиге в боулинге в «Иглс лодж», так что появится он не скоро. В доме всегда дышалось гораздо легче, когда он уходил.

Морин сжала пальцы на рулевом колесе, горячее желание научиться было приправлено толикой волнения. Лиам забрался на пассажирское сиденье.

– Ну что, вертушка, – ухмыльнулся он, – готова прокатиться? – Он кинул ей ключи от машины. На ключах болтался брелок с Ниагарским водопадом, который Морин подарила маме после школьной поездки туда в прошлом году.

Морин всегда выбивали из колеи поездки к водопаду, гигантскому природному катаклизму, где огромные массы воды обрушивались между двумя величайшими в мире озерами. Отец работал на гидроэлектростанции и погиб на работе. Она не любила думать об этом, но всякий раз, глядя на завораживающее падение воды, испытывала отвращение, страх и в то же время странную близость к отцу.

Морин поймала ключи, чувствуя их тяжесть в ладони. Мысленно пробежалась по списку, который Лиам вбил ей в голову как «Отче наш», объясняя, что стоит пропустить один шаг,

и все, провал. Отрегулировать сиденье. Вставить ключ в зажигание. Одну ногу на педаль тормоза, другую на сцепление. Передачу в нейтральное положение. Посмотреть в зеркало заднего вида...

– Я готова, – сказала она, поворачивая ключ. Мотор заурчал. – Куда едем?

– Поехали к «Ротари филд» на Бейли, – предложил Лиам. – У колледжа отличная парковка для практики.

Морин сделала глубокий вдох, кивнула, крепче взявшись за руль и рукоятку коробки передач, стараясь не нервничать, и сосредоточилась на действиях. Она перевела рукоятку в положение заднего хода и отжала педаль сцепления, надеясь, что та не проскочит и двигатель не заглохнет. У нее ушло не меньше десятка попыток, чтобы уловить правильное положение.

– Эй, неплохо, сестрица! – подбодрил Лиам.

– Спасибо, – сказала Морин. Посмотрев по зеркалам, она сдала назад и выехала на мощенную кирпичом улицу. – Я хочу водить так же хорошо, как ты.

Он засмеялся, и Морин ясно увидела его худое загорелое лицо, хотя не отрывала глаз от дороги. Лиаму исполнилось восемнадцать, и он стал походить на фотографии отца в молодости.

– Считаешь меня хорошим водителем?

– Я знаю, что ты хорош, – на Морин накатило радостное возбуждение, когда она расслабилась при езде по прямой улице. – А мы можем включить радио?

– Нет. Делаем все постепенно. К тому же ручку приемника все время заклинивает на дурацкой радиостанции, проигрывающей польки, которую любит Колм. Кто захочет слушать это дерьмо?

То, как брат выругался при ней, заставило Морин почувствовать себя взрослой.

– Хорошо, впереди знак «Стоп», – сказала она, приближаясь к перекрестку.

– Отлично, ты все схватываешь на лету.

Она бегло покосилась на брата:

– Ты думаешь?

– Я знаю.

– Мама с Колмом не хотят, чтобы я училась водить. Хотят, чтобы ездила на автобусе.

– Так ездят. Но водить машину тоже учись. Однажды ты останешься одна. Это умение пригодится.

– Я тоже так думаю. Но мама считает, что сразу после школы я выскочу замуж за хорошего мальчика и он будет возить меня повсюду. – Она вела машину через Фруктовый пояс – или то, что от него осталось после того, как магистраль перерезала сады надвое.

– Глупости, – фыркнул Лиам. – Времена меняются. Знаешь, как там в песне? – И он пропел строчку из песни Боба Дилана своим мягким баритоном. Он всегда был одним из лучших в церковном хоре. – Выше подбородок. И не смотри на капот машины, смотри вперед на дорогу. Вдаль смотри.

– О, точно, – Морин перевела взгляд. – Я над этим работаю.

– Просто продолжай так делать, и незаметно это войдет в привычку.

Спокойная уверенность Лиам передалась ей. Она расслабилась и начала вести машину увереннее, прокладывая путь через район Университета. Колледж Буффало был одним из лучших в штате, по мнению мисс Бакстер, учительницы-мирянки в их католической школе. Она побуждала всех девочек поступать в колледж, даже когда родители утверждали, что это пустая трата времени и денег. Колм твердил, что Университет Буффало – рассадник коммунистической заразы и его давно пора прикрыть. Колм славился громкими заявлениями о вещах, в которых совершенно не разбирался.

С потрясающим терпением Лиам заставил Морин множество раз трогаться с места и сдавать назад на пустой парковке.

– Теперь попробуем освоить параллельную парковку, – сказал он. – Поезжай к тем двум машинам.

Морин решительно кивнула. Она изучила свободное пространство, внимательно слушая наставления Лиамы, объясняющего, как встать в ряд с передней машиной и заехать на место задним ходом.

– У меня ничего не получается, – вздохнула она после нескольких попыток.

– Не дави на себя. Ты бы знала, сколько мне пришлось тренироваться, пока не стало получаться, – сказала Лиям.

В конце концов Морин удалось загнать машину на парковочное место, никуда не въехав и ничего не поцарапав.

– Тренируй навык несколько раз в день, – посоветовал Лиям, – и сама не заметишь, как станешь профи.

– Где ты всему этому научилась? – спросила она.

– В прошлом году, когда работал на заправке Кендалл. Я бы продолжил там работать, но мистер Бэнфилд решил ее продать. – Лиям махнул рукой в сторону выезда с парковки: – Поехали в сторону центра. Помни, куда нужно смотреть. И не вцепляйся в руль с такой силой. – Он согнул и разогнул руки.

Морин осознала, насколько она напряжена, и расслабилась усилием воли. Пока они продвигались по извилистым улицам в сторону центра, Лиям указывал на знаки и светофоры вдоль маршрута, советуя следить за другими машинами и особенно за пешеходами. Повороты у Морин стали получаться более плавными, и она стала лучше чувствовать момент, когда нужно переключить передачу.

– Движение в центре может быть сумасшедшим, – предостерег он. – Так что не торопись.

– Поняла.

– Да. У тебя природные способности к вождению.

Морин сосредоточенно припоминала все, что нужно делать, пока вела машину, останавливаясь на светофорах, прокладывая путь через лабиринт улиц к берегу озера: нагромождению промышленных складов, силосных башен и лодочных причалов, где фабрика «Чириос» выпускала странноватый, чуть прелый зерновой запах. Они миновали величественное федеральное здание и автобусную станцию «Грейхаунд» на Мейн-стрит, с огромным количеством путешественников, толпящихся под ее навесом в стиле модерн.

– Куда они все едут? – удивилась Морин.

– Наверное, туда, куда зовет дорога, – предположил Лиям. – Поезжай по восточному шоссе вдоль Буффало-крик. Это хороший отрезок, и ты сможешь попрактиковаться в переключении скоростей.

Это был тихий, извилистый участок дороги, окруженный фермами и деревушками. Гарденвилл и маленькие городки вдоль ручья стояли всего в нескольких милях от города, но будто бы находились в другом мире. Некоторые из фермерских угодий носили причудливые названия вроде Блэкберри-ридж или Мейпл-эйкрс.

– Люблю фермы, – сказала Морин. – Жизнь здесь кажется такой мирной.

– На ферме нужно тяжело трудиться.

Она кивнула.

– Везде нужно. – Впереди ее внимание привлек нарисованный от руки знак и рядом флаг с пацификом. – О боже, да это же ферма Хейдей!

– Хей... что?

– Брат Фионы ходит с девушкой, которая живет здесь. Хейли Мур. – Морин сбросила скорость и припарковалась на обочине возле старого школьного автобуса, не просто раскрашенного в психоделические цвета, но и расписанного цветами и слоганами вроде «Нас питает Мать-земля» или «Включайся, настраивайся, отключайся».

– А, так это одна из этих коммун, – буркнул Лиам. – Слышал, по большей части это сборище бродяг, неудачников и дезертиров. – А затем, поразив Морин, добавил: – Иногда мне хочется к ним присоединиться.

– Seriously?

– Поедем лучше обратно. Маме нужно помочь с ужином, – сказал Лиам.

Она проехала несколько миль до города. Заходящее солнце позолотило дома и деревья на улице. Паркуя машину на боковой дорожке, Морин испытала удовлетворение, но ее не отпустило ощущение, что Лиам чем-то серьезно озабочен.

– Ты так добр, Лиам, спасибо, что возишься со мной, – поблагодарила она.

– Папа хотел бы, чтобы я тебя учил.

Папа. Наверное, вот почему у брата такое странное настроение. У него больше воспоминаний об отце, чем у Морин. У него тринадцать лет был папа, а не десять. Даже сейчас, когда отца уже пять лет нет на свете, в самый неожиданный момент Лиам, как и ее саму, могла накрыть глубокая печаль.

– Он бы тобой гордился. И, слушай, Кевин Дойл пригласил меня в кино, – внезапно выпалила она. Вероятно, не лучшая идея, но слово не воробей.

– Кевин Дойл, да? Алтарник. В Сент-Джо играет на позиции центра. Думаю, нормальный парень.

Морин покраснела.

– Мама, наверное, не разрешит, но я бы очень хотела пойти.

Лиам пожал плечами.

– Хм. Напомни ей, что он прислуживает в алтаре. Он же и в процессии участвует во время мессы, так?

– Хороший аргумент.

– Просто убедись, что он хорошо с тобой обращается. Хорошо – в смысле бережно. Что относится к тебе с уважением, понимаешь?

Морин кивнула, не уверенная до конца, что брат имеет в виду.

– Так и будет.

– А если нет, я надеру ему задницу. Если, конечно, еще буду здесь.

Голос Лиам странно дрогнул, и Морин повернулась, чтобы посмотреть на него. На лице брата застыло какое-то новое, незнакомое выражение.

– Что случилось?

Он помолчал, глубоко вздохнул.

– Меня призвали. Я получил повестку из Комитета по воинскому учету в федеральном здании.

Призыв? Повестка?

– Лиам, – голос Морин задрожал. Они только что проехали мимо здания федералов, и она понятия не имела, что там происходит внутри. – Лиам, – начала она снова, – я не понимаю, что это значит. – Но в глубине души она знала. Судя по выражению лица брата, ничего хорошего.

– После выпуска призывная комиссия изменила мой статус с II-S на I-A.

Морин представила призывную комиссию как сборище стариканов, которые, тыкая в список, выбирают случайных молодых людей, чтобы перевернуть их жизнь.

– И что это значит?

– II-S – студент, I-A – пушечное мясо.

– Что? Лиам, я все равно не понимаю. Что значит призвали? Реально, в армию? – Морин представила яростные демонстрации протеста, которые показывают в новостях каждый вечер. Фотографии горящих деревень и последствий боев, откуда молодых ребят выносят на носилках, в ежедневной газете.

Нет. Нет, нет, нет! Она не представляет себе, как жить, если Лиам уедет. Что бы она без него делала с тех пор, как умер отец?..

– Забрали, – согласился он с тихим смирением. – Реально, да.

– И тебе придется сражаться во Вьетнаме?

Лиам сглотнул, кадык дернулся вверх и вниз.

– Я должен явиться по повестке. После этого меня отправят в тренировочный лагерь для военной и физической подготовки. Думаю, меня откомандируют в Форт-Дикс в Нью-Джерси: сначала для базовой общевоинской, потом для продвинутой индивидуальной боевой подготовки. Это закон. Его не обойти. Если повезет, возможно, меня не отправят туда, где придется воевать.

Морин видела, что брат сам себе не верит. Парней продолжали призывать на никому не нужную войну, происходящую на другом конце земного шара, по одной простой причине: чтобы отправить их в гущу боев.

Глава 2

Морин открыла крышку жестянки из-под кофе «Хиллс броз», потом защелкнула ее, как делала всегда, вернувшись домой после рабочего дня. Только на этот раз ей нечего было положить в банку, потому что зарплату она отдала Фионе. Морин просто сделала вид, понадеявшись, что мать, услышав привычный звук, проверить не станет.

– Морин, это ты? – крикнула мать из подвала.

– Ага! – откликнулась Морин, хватая банку «Танга»³ из шкафчика и кувшин с водой из холодильника. Потом она достала из морозилки помятую жестяную формочку с кубиками льда и встала у раковины, чтобы выковырять себе парочку.

– Тогда неси сюда свою важную персону и помоги мне со стиркой.

Морин вздохнула и в несколько больших глотков прикончила стакан воды без «Танга». Мама ждать не любит. Она сбежала по лестнице, пригибая голову, чтобы не удариться о балки.

– Привет, мам! – сказала она. – Как дела?

Мать ответила натянутой улыбкой, не касающейся глаз. Морин подумала, что она, вероятно, беспокоится о Лиаме, но не стала поднимать этот вопрос. Не время. Мать явно не в настроении.

– Давай сначала развесим полотенца, – сказала она, проигнорировав вопрос. – Они дольше всего сохнут. – И мать вручила Морин проволочную корзину с влажными полотенцами, только что из отжима.

Когда доходило до стирки, мать была необычайно деловита. Иногда Морин хотелось, чтобы она хоть изредка вспоминала, что иногда позволительно и улыбнуться, и отпустить шутку, как это делала время от времени мама Фионы. Но, похоже, у ее матери нет ни малейшего желания или повода. Она вышла замуж за Колма Дэвиса вскоре после папиной смерти – не потому, что это сделало ее счастливой, а потому что, со слов Лиамы, она боялась, что не прокормит себя и двоих детей. Мать познакомилась с Колмом однажды вечером в доме профсоюзов, и он начал к ней захакивать, проверяя, как идут дела.

Морин до сих пор помнила свое смущение, когда мать нарисовала губы, приготовила воскресное жаркое и велела ей и Лиаме вести себя хорошо, потому что они с Колмом женятся. Женятся! Странно было наблюдать, как мать выкраивает в их жизни место для незнакомого мужчины. Колм приносил Морин пакетики ирисок «Шугар бейбис» и часто предлагал Лиаме поиграть в мяч, но не мог заменить им отца. С появлением в доме Колма Морин постаралась

³ Марка растворимого порошка, придающего воде различные вкусы.

стать как можно меньше и незаметнее. Лиам больше времени проводил у себя в комнате, слушая пластинки и разговаривая по недавно проведенному второму телефону.

Свадьба была краткой, тихой церемонией, которую морозным воскресным утром провел отец Кэмпбелл. Подошвы кожаных туфель Морин скользили на обледенелой дорожке, и Лиам заставил взять его под руку, чтобы не упасть. Два брата Колма, у которых на двоих было девять детей, приехали из Рочестера, и дети подозрительно поглядывали на Морин и Лиам. Две мамы лучшие подруги из Женской католической лиги, украсившие церковь цветами, промокали глаза платочками, когда были принесены клятвы. Потом состоялся праздничный обед в ресторане «Замок», после чего они все вместе отправились домой.

Тут и выяснилось, что Колм не ахти какой добытчик. Почти каждый день он ходил на работу, но возвращался домой через паб «Келлс».

Морин поспешила во двор, чтобы развесить полотенца на бельевой веревке, подворачивая самый край и защищая его прищепками. Потом побежала обратно в подвал и дотронулась до плеча матери.

– Давай я сама, – сказала она, забирая у нее ворох мокрой одежды.

Мать шагнула назад, вытирая руки о фартук.

– Ты хорошая девочка, Морин, – пробормотала она. – Пойду займусь ужином. – Она тяжело затопала по лестнице. Потом послышался скрип кресла-качалки, шорох и треск зажженной спички, и Морин ясно представила, как мать подносит огонек к тонкой белой сигарете.

Морин и Фиона пару раз пробовали покурить, но им не понравилось. Когда другие ребята курили, это выглядело круто, но Морин почувствовала себя глупой и неловкой, а дым оказался на вкус как горелые листья.

После того, как мать ушла, Морин включила радиоприемник «Дженерал электрик». У матери он всегда был настроен на новостную волну – война, протесты, политика, – но Морин, уменьшив звук до минимума, чтобы мать не начала орать, что она опять слушает «этот шум», покрутила ручку настройки, ловя сквозь треск помех любимую станцию. Спустя несколько минут она уже всю подпевала «Стоун Пониз», удивляясь, как красиво голос Линды Ронстадт льется и журчит, словно вода по камешкам, совершенно без усилий.

Морин тихо напевала, пропуская вещи через валик ручного отжима, аккуратно сворачивая рубашки пуговицами внутрь, чтобы не раздавить их. Этому трюку она обучилась дорогой ценой. Когда мать обнаружила три сломанные пуговицы на ее школьной блузке, Морин работала подзатыльник и неделю без телевизора.

Следующей ей попала футболка Лиам с принтом «Пинк Флойд». Все старшие ребята с ума сходили по их протяжным голосам, по их дурманящей психоделической музыке с западающими в душу гитарными риффами. Мать клялась, что это напоминает ей вой стаи банши, и настрого запретила Лиаму проигрывать их альбом в своем присутствии. Морин не могла сказать, что обожает «Пинк Флойд», она просто любила музыку – разную, но особенно ту, которую мать запрещала слушать. Когда Лиам уйдет в армию, ему запретят носить футболки с принтами рок-групп. И ему придется сбрить свои прекрасные рыжие волосы. Морин внутренне содрогнулась от страха, что брат станет незнакомцем.

Донован и «Битлз» помогли ей благополучно добраться до конца нудного задания. Она никогда не понимала, почему прачечная должна находиться в сыром и плохо освещенном подвале. Стирка и так достаточно неприятная обязанность, чтобы при этом чувствовать себя сосланной в подземелье.

Морин, вытащив очередную партию отжатого белья во двор, развесила его на просушку. Задний двор их высокого, узкого дома был мал, но Морин не возражала: именно ей приходилось косить здесь траву, налегая на газонокосилку. Когда она была маленькой, это входило в обязанности отца, и запах свежескошенной травы всегда напоминал ей о нем. Во дворе росли

яблоня и, в углу, высокая сикомора, дающая тень, – маленький сад, обнесенный серыми от непогоды досками, казался Морин безопасным убежищем. Забор загораживал соседей – Маккатченон с одной стороны и Спинелли с другой, – но не мешал слышать, как они ссорятся.

Стойкие полевые цветы и упрямые сорняки цеплялись за края двора. Морин держала небольшой огород, неухоженный, но дающий неплохой урожай: несколько грядок с бобами, картофелем и помидорами; летом эти овощи ели – в разных вариациях – на обед и ужин вместе с початками сладкой кукурузы с фермерского рынка. У Морин все хорошо росло, так же как у отца – мать не испытывала тяги к земле; папа привил дочери любовь к копанию в грядках, уничтожению сорняков и сбору плодов.

Закончив развешивать белье, Морин пошла в дом. По телевизору Уолтер Кронкайт разглагольствовал о выборах. Но с тех пор, как в начале лета застрелили Бобби Кеннеди⁴, никого из знакомых Морин выборы больше не интересовали. Мама и все ее подруги божились, что, раз президентом будет не Кеннеди, они вообще не пойдут голосовать. Мать до сих пор была в трауре по Дж. Ф. К., а теперь и по Бобби. Казалось, она никак не может смириться с разрушением Камелота. Иногда Морин думала, что мать горюет по Джону Кеннеди сильнее, чем по ее отцу.

Мать хлопотала в кухне у стола под двумя портретами в рамочках – президента Кеннеди и папы римского. Чистила початки кукурузы на ужин. Мать Морин была посредственной поварихой, но свежую кукурузу трудно испортить. Люди говорили, что самую вкусную и сладкую кукурузу на всем белом свете выращивают именно здесь, на западе штата Нью-Йорк. Так это или нет, Морин не знала, потому что больше нигде не бывала, но верила на слово. И в конце лета, перед тем как листья кукурузы начинали желтеть, ничего не пробовала вкуснее горячего кукурузного початка. Сочная сладость, чуть приправленная солью и маслом, – удовольствие, с которым мало что сравнится. Морин села рядом с матерью, поставила перед собой пакет и принялась за работу, сбрасывая в него жесткие листья и шелковистые кукурузные рыльца.

– Лиам сказал мне сегодня, – Морин осторожно взглянула на мать. – О том, что его призвали.

– Да, – ответила та, не поднимая глаз.

– Ты знала?

– Знала, конечно. Разве не я предупреждала его, не предлагала зачислиться добровольно, пока за ним не явились? Но он решил сыграть в рулетку в надежде, что его номер не выпадет.

– Я боюсь за него, мам, – сказала Морин. – А ты не боишься?

– Война – страшное дело, это факт.

– Мам, ты же ирландка, да? Что, если Лиаму уехать в Ирландию и тоже побыть ирландцем, пока война не кончится?

– Думаешь, в Ирландии спокойнее? Там так же воюют, как во Вьетнаме.

– Ты поэтому уехала в Америку? Чтобы сбежать от войны? – спросила Морин.

– Я уехала, чтобы найти... – Мать запнулась, откашлялась. – Я обрела лучшую жизнь здесь с твоим па.

Морин всегда сердцем чуяла, что мать многое скрывает, но заставить ее разговориться о старых добрых временах в Ирландии не получалось, а самостоятельно разрешить загадку, почему мать не получает ни писем, ни международных звонков от оставшихся за океаном родных, не могла. Она пошла в гостиную и выключила телевизор.

– Довольно с нас дурных вестей на сегодня. Лучше спой мне, мам. Какую-нибудь старинную ирландскую песню.

⁴ Сенатор и кандидат в президенты США Роберт Фрэнсис Кеннеди был смертельно ранен 5 июня 1968 года в отеле «Амбасадор» в Лос-Анджелесе сразу после победы на предварительных выборах в Калифорнии. Скончался на следующий день, 6 июня, в возрасте 42 лет.

– Ах, Морин, – улыбка скользнула по губам матери, – *ис кёл мо хрой ту*⁵. Ты – музыка моего сердца.

– Всего одну! – упрашивала Морин, почувствовав, что мать готова уступить. – Споем на два голоса.

Плечи матери расслабились, она помычала себе под нос, распеваясь, а потом затянула «Черную бархатную ленту», любимую семейную балладу о мужчине, сбившемся с пути из-за женщины.

Хорошо, подумала Морин, когда они допели последние ноты, встречаясь глазами с матерью и улыбаясь ей в ответ.

Мамино плохое настроение заметно смягчилось. Вот он, подходящий момент.

– Мам, я тут подумала, – сказала она, – можно мне завтра пойти в кино? Я специально откладывала деньги, – поспешила добавить Морин, пока материно тяжелое «нет» не обрушилось, как удар молота, пресекая дальнейшие уговоры. – Я поработаю дополнительно на следующей неделе. Разрешить, мам? Пожалуйста!

– И что это за картина, которую ты так хочешь посмотреть?

Морин твердо усвоила, что всегда лучше держаться правды, насколько получится. Если ей удастся выклянчить мамино «да», то про Кевина Дойла и упоминать не понадобится.

– Фильм называется «Выпускник», – сказала она. По крайней мере, название звучало прилично. Не какие-нибудь демоны-вампиры, из-за которых мать завелась бы с пол-оборота. В голове у Морин тут же зазвучала песня про миссис Робинсон. Песня потрясная! А в кино будет еще более потрясающей, Морин была уверена.

– «Выпускник», – повторила мать. – Ну и о чем этот фильм, в целом?

– Э-э, ну... о том, как хорошо учиться в школе, – Морин знала, что мать вряд ли читала рецензии в газете. Она вообще не слишком любила читать. А если Морин повезет, то и рекламы с соблазнительной ножкой не видела. – Ты разве не хочешь, чтобы я узнала, как преуспеть в учебе?

– Пф! В мое время девушка не нуждалась ни в какой школе, если у нее была голова на плечах.

Морин ненавидела, когда мать начинала рассуждения с фразы «Вот в мое время...». Она и сама не фанатела от школы вообще и от Святой Уильды с ее строгими злючками-монахинями тем более. Уйма времени уходила на зазубривание латинских склонений и на опросы по канонам каждому из святых, Морин же находила подобные занятия бессмысленными. Однако кроме общих молитв и собраний были и уроки о природе, которые вели светские учителя, – на них изучали смену времен года, повадки птиц в дикой природе, чудо растущих растений, науку о звездах и устройстве Вселенной, получали удовлетворение от решения задач. Морин с удовольствием впитывала эти знания, иногда даже задерживалась после занятий, чтобы помочь мисс Бакстер, которая побуждала ее читать книги на абсолютно разные темы, учиться владеть искусством слова и изучать, как великие мыслители формулировали свои идеи.

Мисс Бакстер даже допускала мысль, что девушка с хорошими оценками и умением думать самостоятельно вполне может продолжить учебу в колледже, причем не в каком-нибудь там педагогическом или в школе медсестер. Морин, если после регентских экзаменов средний балл ее аттестата окажется достаточно высоким, сможет претендовать на стипендию для дальнейшего изучения естественных, сельскохозяйственных наук или метеорологии, что было ее заветной мечтой. Морин всегда любила наблюдать за погодой и возиться с растениями. Чередование сельскохозяйственных работ в разное время года завораживало ее, она даже искала информацию в «Фермерском альманахе». Мать считала это глупостью, но Морин держала

⁵ Ты – музыка моего сердца (*ирл.*).

потрепанный, с загнутыми уголками страниц, обернутый в бумагу альманах у себя в комнате и зачитывалась им до поздней ночи.

– Так можно, мам? – спросила Морин, аккуратно укладывая очищенные початки на поднос. – Позволишь мне пойти?

– Глупая трата с трудом заработанных денег, я считаю, – поморщилась мать.

– Это последняя суббота перед началом школьных занятий. Ну пожалуйста, мам! Пожалуйста!

Мать скупо улыбнулась:

– Посмотрим.

Морин встрепенулась от радости. «Посмотрим» означало «возможно», а «возможно» почти гарантированно «да».

* * *

Фиона не явилась к мессе в воскресенье утром, что вызвало у Морин сильное раздражение: она умирала от желания рассказать подруге о свидании с Кевином Дойлом. Ее первом свидании. На сеансе для взрослых.

Морин разрывало от желания поделиться новостью, что ей на самом деле удалось добиться своего. Она надела трикотажное платье с пряжками на плечах – точную копию того, что было представлено в каталоге «Монтгомери Уорд», но сшитую собственными руками. Про оригинал мать, конечно же, сказала «слишком дорого» и «мы не можем себе такое позволить». В кармане Морин припрятала помаду с клубничным вкусом, проездной и полтора доллара на билет в кино.

Она убедилась, что это настоящее свидание, когда увидела, что Кевин пришел не в своей обычной бейсболке «Янкис», а гладко, так что видны были следы зубчиков от расчески, повторяющие форму головы, зачесал волосы назад. К тому же он уже взял билет и для нее, и Морин смогла купить большое ведро попкорна им на двоих. Поначалу оба смущались и заикались, но, пока перед сеансом крутили мультфильмы, им удалось расслабиться и даже посмеяться.

Морин не представляла фильма лучше, чем «Вечер трудного дня» с «Битлз», он так и остался первым в ее списке. «Выпускник» его не побил, но оказался хорош в своей слегка безумной манере. Безумие заключалось в том, что, потратив уйму времени на учебу в колледже, парень по имени Бенджамин не придумал ничего лучше, как вернуться в родительский дом в Калифорнии, целые дни отвисать в бассейне и завести интрижку с взрослой соседкой миссис Робинсон, которая пила вычурные коктейли и курила как паровоз. А после этого он внезапно изменил курс и по уши влюбился в дочь этой самой соседки. Морин решила, что это невероятно смешно, хоть и дико странно. И, конечно, музыка была феноменальна.

Она все еще напевала «Миссис Робинсон», когда они с Кевином вышли из кинотеатра и он будто случайно, а на самом деле намеренно задел ее руку, а потом взял и переплел пальцы. Морин чуть не ахнула от волнения, хотя что в этом такого, просто люди держатся за руки. Кевин проводил ее до автобусной остановки, и на короткое, перехватывающее дыхание мгновение Морин подумала, что сейчас он ее поцелует. Фиона однажды объяснила, как понять, что мальчик хочет тебя поцеловать: он будет постоянно возвращаться взглядом к твоим губам. Морин не поняла, смотрел Кевин на ее губы или нет. Но никакого поцелуя не случилось, только торопливое «Пока-пока, увидимся!» за мгновение до того, как подошел автобус и с шипением раскрыл двери. Морин не поняла, какое чувство испытала больше из-за скомканного прощания – облегчение или разочарование. К девяти тридцати она добралась домой, именно до этого времени и отпросилась у матери.

Но могла бы прийти позже, поскольку мать даже не пошевелилась, когда Морин прокралась мимо нее в свою комнату, – заснула перед телевизором, где ситком плавно сменился

детективным сериалом. Колм еще не пришел, наверное, пил в баре «Келлс», упражняясь в хвастовстве.

И прекрасно. Они постоянно спорили, какую передачу смотреть. Колм запрещал Морин с Лиамом смотреть «Шоу братьев Смозерс», хотя комики были прилично одеты и пострижены. Отчим заявлял, что они пропагандируют «неуважение к властям», поскольку поют о том, что война – это плохо, а свободная любовь – хорошо. Морин не понимала, что в этом такого ужасного, учитывая, что сам Колм фанател от сериала с говорящей лошадей и другого, где мать героя реинкарнировала в машину.

На самом деле, Морин ненавидела ходить в церковь по воскресеньям. Это казалось скучным и бессмысленным, тем более что в школе они посещали часовню, каждый четвертый четверг исповедовались и бесконечно зубрили катехизис с монахинями. Поэтому чаще всего по воскресеньям она вставала ни свет ни заря и ехала на велосипеде в церковь Девы Марии к утренней шестичасовой мессе. Лиам считал, что она чокнулась, вставая в такую рань, но ей хотелось побыстрее разделаться с обязателькой. Отец Кэмпбелл, обладатель копны седых волос и трубного голоса, сокращал службу до минимума, вероятно торопясь вернуться в теплую постель. Он ни разу не заметил, что Морин читает учебник или журнальчик «Тайгер бит», вложенные внутрь страниц последования мессы святого Иосифа.

Однако сегодня Морин нарядилась в церковь, будто в пасхальное воскресенье, – в длинную кружевную мантилью вместо обычной вязаной салфетки, приколотой невидимкой, – и охотно пошла к высокой мессе, потому что знала: там будет Кевин Дойл. Вчера вечером он сказал, что станет прислуживать как кадильщик и это очень важная роль. Морин обеспечила себе место возле прохода, пропустив вперед Колма, мать и Лиаму, их скамья была второй по счету от алтаря. Покосившись на Лиаму, подумала, сколько еще воскресений брат будет с ней рядом. Зажмурив глаза, помолилась Деве Марии и всем святым, чтобы с Лиамом все было хорошо. Попыталась заглушить в голове песни протеста, песни о мальчиках, возвращающихся домой в гробах, и судорожно вздохнула, будто икнула, и Лиам ткнул ее локтем в бок: «Выше голову, вертушка!» – шепнул он.

Морин слегка повернулась к приближающейся под вибрирующее крещендо большого органа процессии, огромные трубы выдували первые ноты гимна «О жертва искупления». Величественные аккорды звучали как гром с небес, богато украшенный процессионный крест плыл по проходу, сопровождаемый свечами на высоких шестах с хоругвями и иконами, по направлению к алтарю.

Задачей Кевина было войти в ризницу и наполнить кадильницу разожженными углями и ладаном. Глядя, как он шагает в процессии в красно-белом расшитом золотом облачении и торжественно делает размеренные взмахи кадильницей, Морин испытала подъем отнюдь не религиозных чувств. Ряса и стихарь с длинными рукавами-трубами придавали Кевину вид средневекового рыцаря, только с большим латунным кадилом вместо булавы и меча. Стоптаные кеды «Чак Тейлор» на ногах разрушали образ, но он все равно выглядел очень мило.

Морин знала, что Кевин увидел ее, потому что их взгляды пересеклись на мгновение, и его глаза вспыхнули изнутри, будто кто-то чиркнул спичкой. И она подмигнула. Не смогла сдержаться. Она ему подмигнула.

Кевин сжал губы, стараясь не улыбнуться, кончики его ушей покраснели. Он что, думал о вчерашнем вечере? Жалел, что не поцеловал ее? Эта мысль заставила Морин непроизвольно пискнуть, и Лиам рядом пошевелился и бросил на нее озадаченный взгляд.

В то время как все пели «O Salutaris», служки с ладанницей приблизились к алтарю, за ними следовал Кевин со своим кадилом. Пастор с большим тщанием добавил в кадило еще ладана, помахал им, окуривая клубами дыма, над дарохранительницей и вернул сосуд Кевину.

В начале «Tantum ergo» Морин показалось, будто что-то выпало из правого рукава рясы Кевина. Вытягивая шею к алтарю, она заметила окаймленную черным дыру в его облачении. Это уголек? Точно, уголек.

Дыра продолжала тлеть, но Кевин этого не замечал. Никто не замечал. Морин подпрыгнула на скамье, пытаясь обратить на себя внимание, но Кевин не сводил глаз с пастора, готовясь ко второму раунду каждения.

Лиам снова покосился на Морин, нахмурившись, но она проигнорировала недовольство брата, пытаясь заставить Кевина посмотреть на нее. Когда он поднял руку, она увидела, что дыра окаймлена красным горящим кольцом, и дольше не смогла хранить молчание.

– Кевин! – прошипела она громким сценическим шепотом. – Кевин!

– Какого черта ты творишь? – потребовал объяснений Лиам, толкая ее в плечо.

Кевин еще не был официальным парнем Морин, но позволить ему стореть, будто святой Иоанне⁶, прежде чем он поцелует ее, она никак не могла.

Пожилой мужчина в первом ряду повернулся, сердито уставившись на Морин. Хор голосов грянул, взмывая выше, к напряженной кульминации гимна.

Морин набрала в грудь побольше воздуха:

– Господи Иисусе, алтарник горит! – закричала она.

Мать резко повернулась и, потянувшись через Лиама, шлепнула ее ладонью по губам. Прижимая руку к щеке, Морин рванула по направлению к передней части церкви.

В тот же момент Кевин опустил взгляд на свой рукав. Выронив кадило, он бросился к чаше со святой водой и погрузил руку по локоть. Морин была так близко, что услышала шипение.

Вся община замерла. Даже орган смолк в середине аккорда.

Морин взлетела вверх по пяти мраморным ступеням к алтарю, войдя в запретную зону, но ей было все равно.

– Ты в порядке? – спросила она Кевина. – Сильно обжегся?

Отец Тимоти, серьезно относившийся к своим обязанностям, махнул Кевину в сторону боковой двери, затем прочистил горло и возобновил мессу, будто ничего не случилось. Морин поплелась обратно на свое место, щека все еще горела от оплеухи. Мать выглядела взбешенной не на шутку, дома ей наверняка влетит. Если она пойдет домой. Выслушивать нотации, да еще и быть отшлепанной деревянной лопаткой, Морин не улыбалось.

Нужно дать матери остыть. Если Морин удастся избегать ее какое-то время, то, есть шанс, что она переключится на что-то другое.

В то время, как аккорды заключительного гимна, нарастая, изливались с хоров органной галереи, Морин уже неслась прочь, проталкиваясь сквозь устремившуюся к выходу толпу. Сохраняя безопасную дистанцию между собой и семьей, она помчалась к дому Фионы на Черри-стрит.

Дом Галлахеров, казалось, пребывал в состоянии вечного хаоса из-за множества детей. Обшарпанный, требующий ремонта, походивший на высокую коробку соленых крекеров, с остроконечной крышей и передним крыльцом, где отсутствующие балясины зияли, как недостающие зубы, он обладал несомненным очарованием и характером хорошо обжитого гнезда, хотя из-за облупившейся и выцветшей краски казался неотличим от прочих домов на улице. Парочка цепляющихся за жизнь аспидистр свисала с карнизов. Качели на крыльце, пустые сейчас, если не считать плюшевого медведя, слегка качались на ветру, ритмично побрякивая цепями.

Морин провела здесь много теплых летних вечеров, сидя на ступеньках, играя в парчизи и слушая песню за песней на портативном приемнике Фионы.

⁶ Жанна д'Арк.

Тротуар перед домом был испещрен детскими рисунками – клетками для классиков, небрежно намалеванными сердцами, цветами и улыбающимися солнышками.

Фионе, третьей по старшинству, часто вменялось в обязанность присматривать за младшими. Наверное, потому ее сегодня не было на мессе. Или она все еще плохо себя чувствует.

Морин сорвала с головы кружевную мантилью и скомкала в шар в кулаке. Заметила машину Флинна, старую развалюху, наполовину красную, наполовину намазанную шпатлевкой «Бонго», стоящую на боковой подъездной дорожке, с передней частью, поднятой на домкраты. Рядом с ней на земле лежали маслянисто поблескивающие инструменты. Из транзистора неся сквозь треск возбужденный голос диктора, комментирующий игру «Янкис». Пара ног в синих джинсах и рабочих ботинках торчала из-под машины. По словам Фионы, Флинн хорошо разбирался в машинах. Карла и Джина со склада фруктов считали его мечтой во плоти. Леденящим душу красавцем. Казалось, в парня была влюблена половина соседских девчонок. Они отказывались понимать, что он уже занят. Его девушкой стала великолепная, как в рекламе шампуня «Брек», белокурая протестантка-хиппи Хейли Мур.

Морин постучала в хлипкую дверную раму с москитной сеткой. В районе это называлось «дом в стиле шотган»: если выстрелить из дробовика в переднюю дверь, пули пройдут навывлет сквозь заднюю.

На стук никто не ответил, но в коридор выбежал пес Рейнджер, заливаясь звонким лаем. Морин слышала, как кто-то кричит в дальней части дома. Ничего из ряда вон выходящего: в доме Галлахеров часто раздавались крики – дети ссорились, родители вопили, чтобы те заткнулись, собака лаяла, и ее тоже пытались перекричать, и на всю громкость орало радио.

Но сегодня крики звучали по-другому, доносился плач. Плакала Фиона.

Морин поколебалась, но все же набрала воздуха и крикнула сквозь сетку:

– Хелло!

Рейнджер продолжил лаять на нее.

– Это я, Морин! Фиона, ты...

– Она в беде, – сообщила, выходя на крыльцо, шестилетняя Иззи, очаровательная с волосами, забранными в два хвостика, мотающихся, как уши Гуфи. – Шэннон слышала, как она разговаривала в ванной, и все рассказала маме, и теперь у Фионы неприятности.

Морин почувствовала, как в животе все ухнуло вниз от волнения. Она ведь отдала Фионе всю зарплату, неужели этих денег не хватило? Или у подружки проблемы другого рода?

– Я просто зашла проведать Фиону, узнать, как она себя чувствует...

– А ну вернись немедленно, юная леди! – крикнула миссис Галлахер.

Фиона вихрем пронеслась по коридору и чуть не сбила с ног Иззи, выбегая в переднюю дверь. Ее лицо было потным и красным от злости. Схватив Морин за руку, она потащила ее вниз по ступенькам крыльца на тротуар.

– Что случилось? – спросила Морин, еле поспевая за подругой. – Что происходит?

– Меня заставляют уехать, пожить у тети в Брэдфорде, – объявила Фиона.

– Что? Почему? – Морин сжала ее руку. – Это безумие! И что там в Брэдфорде? Какая тетя? Ты не можешь уехать!

– Это только на время, – Фиона замедлила шаг. Глаза у нее опухли и покраснели от слез.

Узел в животе Морин стянулся туже. Очевидно, то, что она слышала на работе, было правдой. Фиона действительно залетела. Уставившись на ее совершенно плоский живот, Морин не знала, как заставить себя спросить.

Фиона положила ладонь на живот и кивнула, а потом вздрогнула, не сдержав рыдания.

– Я не хотела, чтобы это случилось.

Морин чуть не запнулась о тротуар, где бетон вздулся из-за корня дерева.

– Но ты ведь ничуть не изменилась. Ты уверена?

– Мама отвела меня в бесплатную клинику на Готорн. Там сделали тест. – Фиона скривилась. – Мне пришлось пописать в стаканчик. Ты когда-нибудь пробовала пописать в стаканчик?
– Хм... нет. – Морин покраснела. – И после этого они могут точно сказать?

Парк Оук-Хилл был пуст, так что они сели на качели, чьи ржавые цепи скрипели при каждом толчке. День перевалил за половину, солнце отбрасывало длинные тени, в воздухе пахло сухими листьями. Маленькими они играли здесь часами, крутились на карусели, пока не валились с ног, сходя с нее, хихикали, балансируя на подвесном бревне, и раскачивались на качелях до неба, их смех взлетал высоко-высоко.

Чиркая носком по земле, Фиона сказала:

– Ох, Морин. Я до сих пор не могу поверить, что это происходит.

Морин обнаружила себя на неизведанной территории. Ее лучшая подруга беременна.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Отвратительно. Постоянно тошнит и тянет бегать в туалет по-маленькому. – Фиона обхватила себя за грудь.

– А как же Кейси?

– Кейси! – Фиона закатила глаза. – Это было... Ладно, врать не стану. Он мне очень нравился. И поначалу все шло просто супер – волнение, романтика, когда мы с ним были... вот так.

– Как – так? – спросила Морин.

Щеки Фионы вспыхнули.

– Ну... так. Когда без всего. Без ничего между нами. Как любовники, понимаешь?

Морин не понимала. У нее об этом имелись самые смутные представления.

– Теперь тебе придется выйти за него замуж? – До недавнего времени Морин даже не знала, что можно забеременеть, не будучи замужем. И ужасно странно казалось говорить о замужестве, когда они с Фионой всего года два как убрали в коробки своих кукол Барби.

– Кейси порвал со мной. И заявил своим родителям, что ребенок, скорее всего, даже не от него.

– Вот придурок! – Морин вспыхнула от ярости за подругу.

– Я думала, у нас любовь, – Фиона пожала плечами и отвела взгляд. – А теперь последнее, чего бы мне хотелось, – так это выйти замуж за Кейси.

– Тогда не выходи.

– Ох, Морин! Что же мне делать? Девушка Флинна, Хейли, сказала, что от ребенка можно избавиться, но для этого нужны деньги.

– В смысле, как это – избавиться?

– Ну вот так. Как будто выкидыш. У мамы был выкидыш между близнецами и Иззи. – Фиона вздохнула. – Но Хейли сказала, это будет стоить не одну сотню долларов. Да и все равно я бы побоялась. Так что, думаю, я в ловушке. И это случится. Ох, Морин! Ребенок случится. Хейли говорит, что, если в коммуне, где она живет, у кого-то появляется ребенок, его просто растят все вместе, и никаких проблем.

– Так, может, тебе туда переехать? – Морин представила себе запущенную ферму с раскрашенным автобусом.

– Родители в жизни мне этого не позволят.

– Но тогда зачем тебе переезжать куда-то еще?

– Ой, да ладно. Ты же знаешь, людям только дай повод посплетничать. Родители не вынесут позора. Все будут считать, что я пропащая и буду гореть в аду.

– Я не буду так считать, – возразила Морин.

– Не все же такие, как ты, Мор. А в Брэдфорде меня никто не знает, кроме моей двоюродной бабушки Куки. Маминой тетки. Она сказала, что позаботится обо мне. Так что либо это, либо к монахиням, в приют Доброго Пастыря.

– Тот, что на Бест-стрит? – содрогнулась Морин. – Ни за что. Моя мать, наверное, могла бы так поступить, но только не твоя. – Миссис Галлахер была громогласной и строгой, но не суровой, как мама Морин. Она не грозила своим детям монахинями. – Ох, Фиона. Что теперь будет? И как же школа?

– Мне уже исполнилось шестнадцать. Я могу бросить школу.

– И что ты будешь делать? – спросила Морин.

– По крайней мере, в моей жизни больше не будет сестры Карлотты с ее линейкой и неприятным запахом изо рта.

Морин кивнула, от души желая не чувствовать себя такой беспомощной.

– Ну хоть это...

– Может, я вернусь, когда все закончится и ребенка отдадут на усыновление.

– погоди, – оторопела Морин, – тебе придется это сделать? Отдать ребенка чужим людям, и ты его больше никогда не увидишь? Собственного ребенка?

– Мне не оставляют выбора. – Лицо Фионы исказилось. – У меня нет права голоса.

– Фиона... – Морин посмотрела на подругу, испытывая глубочайшее, ноющее чувство беспомощности. – Мне так жаль. Это несправедливо!

– Они сказали, что я разрушила свою жизнь, но так, по крайней мере, хотя бы у ребенка появится шанс.

– Шанс на что? – поразилась Морин. – Если бы я могла хоть что-то сделать... неважно что.

Фиона закрутила качели и позволила им раскрутиться обратно:

– Просто пообещай, что будешь рядом. После того, как все закончится.

– Буду, конечно, – кивнула Морин. – Куда ж я денусь.

Фиона мрачно кивнула.

– Эй, мне лучше вернуться. Мама и так зла на меня до предела.

– Я провожу тебя. – Они вышли из парка, возвращаясь по своим следам; тени на увядшей траве удлинились. – Если хочешь знать правду, я тоже влипла в неприятности. Правда, другого рода. – И она рассказала Фионе, как загорелся рукав у Кевина, и о своей выходке в церкви.

Фиона рассмеялась сквозь слезы.

– Шутишь? Ты вбежала в алтарь? Прямо за ограждение?

– На нем загорелась одежда, и, казалось, никто, кроме меня, этого не заметил. – Морин почувствовала, как щеки заливаются краской. – Мы вчера вечером ходили в кино вдвоем. Смотрели «Выпускника» в «Лендмарке».

– Ну, ну, ну! – Фиона поиграла бровями. – И как все прошло?

Казалось немного странно говорить об обычных вещах, зная, что у Фионы будет ребенок. Ребенок!

– Думаю, хорошо. Фильм мне очень понравился. После Кевин проводил меня до автобусной остановки. Я не рискнула задерживаться допоздна.

– Хм, – Фиона казалась рассеянной, и Морин ее не винила. – Не позволяй ему... ну, ты поняла. Зайти слишком далеко.

Морин вяла предупредению, хоть и не была уверена, что означает «зайти слишком далеко». Когда они дошли до дома Фионы, ей не удалось отыскать подходящие слова, и она просто крепко обняла подругу.

– Слушай, что бы ни случилось, ты навсегда останешься моей лучшей подругой. Навсегда. И я приеду в Брэдфорд навестить тебя, как только придумаю способ, как туда добраться. Еще я буду писать тебе письма и копить деньги на междугородные разговоры.

Фиона кивнула и отступила на шаг назад.

– Не верится, что все происходит по-настоящему. Наверное, это должно пугать, но пока мне не страшно.

– Не бойся. И помни, что я твоя лучшая подруга.

– Так и есть. Да. В любом случае мама заставляет Флинна отвезти меня туда сегодня вечером.

– Уже сегодня? Божечки.

– Ага.

К горлу неожиданно подкатил ком. У Фионы будет ребенок. Это казалось невозможным. Она выглядела так же, голос звучал как раньше. И тем не менее у нее будет ребенок, и она отдаст его кому-то.

– Фиона! – донесся из коридора голос миссис Галлахер.

Фиона бросила взгляд через плечо.

– Я лучше пойду. – Сетчатая дверь на спиральной пружине захлопнулась.

Морин мгновение постояла на крыльце, чувствуя себя полностью дезориентированной. Затем тяжело вздохнула. На улице распогодилось, настоящее бабье лето. Торчать дома и выслушивать нотации из-за происшествия в церкви ей не хотелось. Пожалуй, стоит поехать на велосипеде через мост Мира на Кристал-Бич и провести время с друзьями.

Она обернулась и увидела, как Флинн выкатывается из-под машины на металлической тележке, и попыталась не пялиться на его мускулистые, жилистые, блестящие от пота руки. Задрав футболку, он вытер подолом пот со лба, продемонстрировав кубики пресса.

– Привет, Морин, – сказал он.

– Привет, – ее плечи поникли под тяжестью новостей Фионы.

– Значит, сестра тебе рассказала.

Морин кивнула, щеки запылали огнем. Почему-то ей вдруг стало неловко оттого, что она разговаривает с братом Фионы. Она знала Флинна целую вечность. О таком старшем брате мечтает каждая девочка – сильном и улыбочивом, всегда готовом не только защитить, но и расшутить. Ее родной брат, Лиам, был таким же. Раньше они с Фионкой хихикали, что однажды станут сестрами, когда обе выйдут замуж за брата подруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.